

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 43–53.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 1. P. 43–53.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-43-53

О «ПОСЛЕДНЕМ БЕРДЯЕВЕ». К ВОПРОСУ О ПАТРИОТИЗМЕ

Алексей Алексеевич Гапоненков

Саратовский национальный
исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, gaponenkova@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

 Аннотация. Среди многочисленных и разноречивых свидетельств, с возможной полнотой выявляющих позицию писателей и философов русского зарубежья по отношению к результатам Победы СССР в Великой Отечественной войне, нельзя не упомянуть идейно-политический конфликт, случившийся вокруг Н. А. Бердяева по поводу возникшего феномена «советских патриотов», просоветских настроений в эмигрантской среде. На первый план вышел спор о русском и советском патриотизме, о том, который из них более значим, мог быть принят эмигрантами или отвергнут, как соотносится национальное и универсальное в объеме этого понятия. Последние годы жизни Бердяева, его политическое, философское, религиозное самоопределение после Великой Отечественной войны по отношению к России (Советскому Союзу) весьма показательны для судеб русского рассеяния и связаны с нашими сегодняшними интуициями

© Гапоненков А. А., 2024

об истории и судьбе страны. Позиция «последнего Бердяева», ее сложность и противоречивость, в статье представлена в трех взаимодополняющих оценках его убеждений послевоенных лет (Б. К. Зайцев, С. Л. Франк, архиепископ Иоанн Шаховской), в контексте исторических событий 1945–1947 годов.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, русская эмиграция, СССР, Великая Отечественная война, русский и советский патриотизм, национализм и универсализм

Ссылка для цитирования: Гапоненков А. А. О «последнем Бердяеве». К вопросу о патриотизме // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 1. С. 43–53. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-43-53.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

ABOUT THE “LAST BERDYAEV”. ON THE ISSUE OF PATRIOTISM

Alexey A. Gaponenkov

Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, gaponenkovaa@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Abstract. Among the numerous and contradictory evidence that, with possible completeness, reveals the position of writers and philosophers of the Russian diaspora in relation to the results of the USSR Victory in the Great Patriotic War, one cannot even mention the ideological and political conflict that occurred around N. A. Berdyaev regarding the emerging phenomenon of “Soviet patriots” and pro-Soviet sentiments among the emigrants. The debate about Russian and Soviet patriotism came to the fore, about which of them is more significant, can be accepted by emigrants or rejected, how the national and the universal relate to the scope of this concept. The last years of Berdyaev’s life, his political, philosophical, religious self-determination after the Great Patriotic War in relation to Russia (the Soviet Union) are very indicative of the fate of the Russian dispersion and are connected with our present-day intuitions about the history and fate of Russia. The position of the “last Berdyaev”, its complexity and inconsistency is presented in the article in three complementary assessments of his beliefs of the post-war years (B. K. Zaitsev, S. L. Frank, Archbishop John Shakhovskoy), in the context of historical events of 1945–1947.

Keywords: N. A. Berdyaev, Russian emigration, USSR, Great Patriotic War, Russian and Soviet patriotism, nationalism and universalism

For citation: Gaponenkov, A. A. (2024) “About the ‘last Berdyaev’. On the issue of patriotism”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(1), pp. 43–53. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2024-7-1-43-53.

Начиная с 1945 года советское гражданство решили оформить одиннадцать тысяч русских эмигрантов во Франции и шесть тысяч в Югославии [Шкаренков, 1986, с. 242].

Возникший для русских эмигрантов выбор и их колебания поставили важнейшие вопросы русской исторической судьбы: религиозное ли это оправдание советской мощи или грехопадение? Что общего у Бердяева со Сталиным? Что есть русский и советский патриотизм? Какова судьба русского народа в советской цивилизации, его историческое и универсальное призвание в мире? Есть ли в этом опасная для русского духа «мистическая национальная самолюбленность» [Франк, 1952, с. 289]? Ведь советский патриотизм, материализм и атеизм противоречили аристократическому пониманию личности и творческой свободе, которые провозглашал Бердяев. Попробуем разобраться.

Волна патриотизма в среде русской эмиграции в 1945 году достигла своего апогея. «Мы восхищаемся патриотизмом народа, — говорил бывший посол России во Франции правый кадет Василий Алексеевич Маклаков, — доблестью войск, искусством вождей. Но должны были признать кроме того, что все это подготовила советская власть, которая управляла Россией, что в ее руках исход этой войны» [Эмигранты у Богомолова, 1970, с. 270–271]. Эти слова были сказаны им на встрече посла СССР в Париже Александра Ефимовича Богомолова 12 февраля 1945 года с группой русских эмигрантов, куда входили: сам В. А. Маклаков, финансист и меценат, социалист А. С. Альперин, профессор-химик, близкий к эсерам А. А. Титов, юрист, просоветский журналист А. Ф. Ступницкий, юрист и журналист М. М. Тер-Погосян, юрист, видный эсер Е. Ф. Роговский, журналист и поэт В. Е. Татаринов, бывшие военно-морские министры Временного правительства Д. Н. Вердеревский и адмирал М. А. Кедров. Пожалуй, объединяло их одно — все были «февралистами», не православными по духу, антимонархистами.

«Группа Маклакова» услышала идеологическое высказывание А. Е. Богомолова о русском и советском патриотизме. «Последний, по его мнению, шире первого, и его сущность заключается не только в любви к России, но и в при-

нятии всех тех изменений, которые в ней произошли» [Эмигранты у Богомолова, 1970, с. 272]. На это советскому послу ответил В. А. Маклаков: «Дорожить не самой Россией, а ее временной советской формой значило бы следовать Константину Леонтьеву, который писал: “на что нам Россия, если она не самодержавная и не православная” (...). И поэтому “русский патриотизм” не исключает “советского”, но шире его» [Эмигранты у Богомолова, 1970, 273]. Это было противоположное мнение, но логически и исторически точное, понятное каждому русскому независимо от политических взглядов: *русское оказывалось не частью советского, а целым и всеобъемлющим понятием, фундаментом веры в Россию*. Многие из присутствовавших позднее с сожалением вспоминали свое «хождение в Каноссу», когда узнали об арестах В. В. Шульгина, Петра Д. Долгорукова, П. Н. Савицкого, С. П. Постникова и других, о репрессиях к возвратившимся, «жертвах Ялты». Англичане передали советским «союзникам» в мае 1945 года целый казачий корпус (более 30 000 человек со старшими офицерами, генералами), зная о том, что он будет отправлен в ГУЛАГ [Толстой, 1996, гл. 10]. Очень встревожило эмигрантов постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» с нападками на М. Зощенко и А. Ахматову (август 1946), постановление правительства СССР о запрещении браков с иностранцами (февраль 1947). Осуждающий интеллигенцию лозунг «низкопоклонство перед всем иностранным» был запущен в статье редактора газеты «Правда» по отделу пропаганды Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм» (Правда, 11 августа 1947).

В марте 1946 года в Вестминстерском колледже в Фултоне (США) У. Черчилль произнес знаменитую речь, в которой обвинил И. В. Сталина в опускании «железного занавеса», призвал к «крестовому походу» против коммунизма как угрозы христианской цивилизации. На что советский лидер ответил в беседе с корреспондентом газеты «Правда» 13 марта: «По сути г. Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, — в противном случае неизбежна война». Черчилль становился «на позицию поджигателей войны». И последний публичный призыв Сталина, произнесенный в 1952 году, звучал еще более наступательно: «Долой поджигателей войны!» С испытанием ядерного оружия СССР обрел полный суверенитет и «буферную зону» в виде Восточной Европы.

Митрополит Тихон (Шевкунов) в новой книге «Гибель империи. Российский урок» заметил:

Как мы знаем, Россия, пусть уже советская, в конце концов воспрянула и успешно воспользовалась частью великого наследства, доставшегося ей от Рос-

сии императорской. А наш народ с величайшим энтузиазмом, не останавливаясь ни перед какими жертвами, взялся за то дело, на которое он показал себя единственно способным в деле государственного строительства: устройство новой империи. Теперь уже советского извода. К счастью, большевизм в новой империи был нашим народом преодолён.

[Тихон (Шевкунов), 2024, с. 349]

Все-таки большинство эмиграции случившихся изменений в России не приняло. Но, кажется, впервые после 2 марта 1917 года советская власть в 1945 году заговорила с эмигрантами о русском патриотизме, о любви к России. Только Советский Союз не являлся исторической Россией. И образ правления был другой, и территория поделена на национальные республики и автономии, и русский народ не ощущал себя полноценным хозяином на собственной земле. Многие эмигранты считали, что освобождение России должно произойти изнутри, без внешнего воздействия, путем эволюционных изменений в народном сознании. Так думал и Бердяев.

Писателя Б. К. Зайцева многое удивляло:

С Бердяевым произошло (...) странное: и немолод он был, и революцию вместе с нами пережил, и «Философию неравенства» написал, и свободу, достоинство и самостоятельность человека высочайше ценил... — и вдруг этот седеющий благородный лев вообразил, что вот теперь-то, после победоносной войны, прежние волки обратятся в овечек. Что общего у Бердяева со Сталиным? А однако в Союзе советских патриотов он под портретом Сталина читал, в советской парижской газете печатался, эмигрантам брать советские паспорта советовал, вел разные переговоры с Богомоловым, — кажется, считался у «них» почти своим. В Россию, однако, не поехал. Но в доме у него в Кламаре гнездились чуть не все просоветское тогдашнего Парижа. (...) Одиночество было у тех, кто не ездил по советским посольствам, но и свобода осталась за ними.

[Зайцев, 1999, с. 200]

Тон воспоминаний Зайцева кажется субъективно предвзятым без понимания эволюции левого, «бунтарского», персоналистического мировоззрения философа.

Поступок эмигрантов, принявших советское гражданство, был воспринят писателем узко политически. Между прочим, отношение к ним было одной из причин размолвки Зайцева и Бунина. Иван Алексеевич также ездил на прием

к послу А. Е. Богомолу, который организовал Общество советских патриотов во Франции. В дневнике Богомол отмечил (декабрь 1945):

В 17 ч. ко мне пришел писатель И. Бунин. Ему уже 75 лет, но держится он бодро. Беседа шла в духе обычного «светского» разговора и никаких деликатных вопросов не захватывала. Вскользь я сказал, что пора бы Бунину посмотреть на свою страну вблизи, на что он немедленно ответил, что сделал бы это с удовольствием. Весь разговор шел в таком тоне, который никого ни к чему не обязывал.

[Классик без ретуши, 2010, с. 806–807]

Бунин дал интервью газете «Советский патриот» (28 июня 1946, № 88). Интервью сфальсифицировали, он был в гневе. С Буниным подолгу беседовал К. М. Симонов (5 или 6 встреч летом 1946 года). Иван Алексеевич спрашивал о судьбе талантливых писателей Пильняка, Бабея. Симонов читал «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» в присутствии Бунина, который поднял тост за полководческий талант Сталина. Об этом Симонов рассказал в воспоминаниях «Об Иване Алексеевиче Буине» [Симонов, 2005].

Вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции». Бунин так и не решился приехать в СССР. В 1947 году из Союза русских писателей и журналистов в Париже исключили тех, кто принял советское гражданство. В знак солидарности с ними вышли из Союза В. Л. Андреев, В. Н. Муромцева-Бунина, А. В. Бахрах, Л. Ф. Зуров и другие. К ним присоединился и Бунин, но без каких-либо политических объяснений. В книге «Воспоминания» (1950) он окончательно разорвал отношения с просоветским движением в кругу эмиграции.

Экстатическая, вихревая мысль Бердяева не менее важна, чем те факты, что привел Б. К. Зайцев. Именно в ней можно увидеть религиозное оправдание. Поэтому процитируем автобиографию Бердяева «Самопознание», особенно «добавления» философа:

Я никогда не поклонялся силе, но силу, которая была проявлена Красной армией в защите России, я считал провиденциальной. Я верил в великую миссию России... У меня всегда была советская ориентация, несмотря на то, что я всегда критиковал и продолжаю критиковать коммунистическую идеологию и проповедую свободу... Во мне вызывает сильное противление то, что для рус-

ской эмиграции главный вопрос есть вопрос об отношении к советской власти. Между тем как я считаю главным вопросом вопрос об отношении к русскому народу, к советскому народу, к революции как внутреннему моменту в судьбе русского народа.

[Бердяев, 1990, с. 316, 320–321]

Бердяев говорит о встрече с советским писателем, капитаном Красной Армии в Париже и подчеркивает: «Коммунистическая идеология была ему чужда» [Бердяев, 1990, с. 322]. Кто это был? Приветствуя возвращение в немалом объеме русской литературы XIX века, философ замечает: «Но к русской мысли еще не вернулись, этому препятствует все еще господствующий диалектический материализм» [Бердяев, 1990, с. 322]. Без уверенности в том, что свободная мысль возможна в России, Бердяев не мог возвратиться на родину. Незадолго до смерти он видит возрастание свободы, но и разочарован плохими известиями из СССР. «Особенно тяжела» для него история с Ахматовой и Зощенко. Вместе с тем Бердяев замечает: «Радикально изменилось отношение к Православной церкви», но «сфера церковной жизни локализована» [Бердяев, 1990, с. 327]. Философ разводит «великую миссию русского народа», в которую он верит, и идеологическую диктатуру, к которой он относится с «непримиримой враждой», историческую судьбу народа и отдельные действия власти. Больше того, Бердяев чувствует «потребность защищать... родину перед миром, враждебным ей» [Бердяев, 1990, с. 328]. Философу трудно совместить «два начала в себе»: «аристократическое понимание личности», творческой свободы и «сильное чувство исторической судьбы, не допускающее возврата назад, и социалистические симпатии, вытекающие из религиозного источника» [Бердяев, 1990, с. 328].

Он принимает дореволюционную и пореволюционную Россию, историческое и универсальное русское призвание в мире, но опасается замены универсализма национализмом, исключает одобрение компартии и диалектического материализма. Бердяев допускает, что разные национальности имеют свои права в том или ином историческом периоде, это «господство лучших», но «историческая сила» — преходящее и исчезающее явление. Сталин — олицетворение «демонической воли», имперский лидер, обладавший мистической харизмой. Не забудем только, что с 1930-х годов Бердяев очень «левый» мыслитель.

Итак, в основе симпатий Бердяева к послевоенной России (СССР) лежала религиозная вера в историческое и универсальное русское призвание в мире, а не поверхностное политическое одобрение действий верхушки компартии и ее философии — диалектического материализма.

Эту религиозную позицию Бердяева по отношению к России прекрасно понял С. Л. Франк. Он сумел проникновенно объяснить духовную эволюцию Бердяева. В своих книгах и статьях Франк не затрагивал напрямую «последнего Бердяева». Другое дело, в частной переписке. Преувеличенную «национальную самовлюбленность» Бердяева Франк осудил в известном письме к Г. П. Федотову 1949 года:

Замечательно, как склонность у русских к порицанию порядков на родине всегда сочеталась и доселе сочетается с какой-то мистической национальной самовлюбленностью. Русский национализм отличается от естественных национализмов европейских народов именно тем, что проникнут фальшивой религиозной восторженностью и именно этим особенно губителен. Славянофильство есть в этом смысле органическое и, по-видимому, неизлечимое нравственное заболевание русского духа (особенно усилившееся в эмиграции). Характерно, что Вл. Соловьев в своей борьбе с этой национальной самовлюбленностью не имел ни одного последователя. Все, на кого он имел в других отношениях влияние, — и Булгаков, и Бердяев, и Блок, — свернули на удобную дорожку национальной самовлюбленности. Бердяева это прямо погубило...

[Франк, 1952, с. 289]

Все-таки вряд ли возможно говорить о русском национализме Бердяева. Он не был национально ограниченным, хотя и отстаивал соловьевское понятие «русская идея», видя огромную роль России в мировой истории. Если и говорил о мистическом призвании России, то добавлял, что его осуществление возможно только вместе с другими народами. Национальное для Бердяева включало универсальное.

Приведем, наконец, высказывание о Бердяеве архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) из книги «Письма о вечном и временном» (Нью-Йорк, 1960):

Он искал и ждал чего-то. Может быть, умер от того, что не нашел. Не хотел «отстать» от России и, в чем только возможно, из Кламара, из своего домика (...) пытался «разделить судьбу русского народа», принять его путь, впрочем, как мы знаем, с некоторой осторожностью (...) Бердяев все-таки видел, что его главная будущность литературная — в России. (...) Он воспользовался последней войной для себя самого, для своей души воспользовался, чтобы принять нечто реальное, что «весь народ переживает». Он проявил нетерпение... Он хотел пережить неизведанное. (...) Нам кажется, что поздний, кламарский Бердяев пережил ро-

мантику своей молодости вместе со старческим стремлением к своей земле. Все это человечно; не в высшем, конечно, смысле, а в самом простом, земном. (...) Он жадно, хотя и несколько половинчато, переживал новую «встречу с Россией» и больше не хотел «по-бердяевски» громить марксизм в России как последнюю форму буржуазности мирового секуляризованного духа; не хотел — может быть, пред лицом русских страданий и ран. Но он, несомненно, еще яснее, чем раньше, видел убожество и претенциозность советской идеологии, возвращавшейся к некоторым истинам общечеловеческой культуры, как к неким особым и замечательным достижениям «нового» «советского» человека. Он по-видимому как-то по-федоровски поверил, что убогая идейность линияющей революции может переключиться в «революцию духа», возвестителем и возжигателем которой он был. Он поверил в воскресение своего творчества в России. (...) Нам, современникам, не приходится выносить Бердяеву последнего приговора. Для лучшего познания своей собственной ответственности нам дано лишь распутывать клубки идей и намерений этого большого и человечно-взволнованного мыслителя, себя самого старавшегося все время перерасти и пережить.

[Иоанн Сан-Францисский, 1992, с. 413–417]

Справедливость последних слов о Иоанна трудно не признать.

В одном из писем к С. Л. Франку от 25 ноября 1946 года Бердяев сказал насуточные слова о «парижской русской атмосфере», которые прочитываются очень актуально: «Главная беда в том, что почти все перестали интересоваться истиной и правдой, все оценивается исключительно с точки зрения пользы и выгоды для той или иной стороны» [Переписка Николая Бердяева ... , 2023, с. 150]. Это то, что постоянно его волновало, волнует и нас сегодня. Что же касается острой современности его идей, то напомним высказывание С. А. Левицкого: «...в главном Бердяев прав: выход из современного кризиса может быть только один — в возвращении на новом, высшем уровне к вечной правде христианства. Если демократия не христианизируется, она может погибнуть под ударами нового варварства» [Левицкий, 1996, с. 373]. Россия как выдающееся государство в христианской истории не может не быть хранительницей христианской жизни.

Список источников

Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.

Зайцев Б. Н. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6 (доп.): Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. 560 с.

Иоанн Сан-Францисский, архиеп. Избранное / сост., автор вступ. ст. Ю. Линник. Петрозаводск: Святой остров, 1992. 575 с.

Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: Книжица; Русский путь, 2010. 928 с.

Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. 496 с.

Переписка Николая Бердяева с Семеном Франком и Татьяной Франк (1923–1947) / публ., подготовка текста и примеч. А. А. Гапоненкова // Николай Бердяев: эпистолярный разговор. Архивные материалы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина; предисл., подготовка текста, примеч., коммент. А. А. Гапоненкова, Е. В. Сердюковой, И. О. Щедриной, Т. Г. Щедриной. М.: Политическая энциклопедия, 2023. С. 44–158.

Письмо С. Л. Франка Г. П. Федотову // Новый журнал. 1952. № 28. С. 289.

Симонов К. М. Об Иване Алексеевиче Бунине // Симонов К. М. Истории тяжелая вода. М.: Вагриус, 2005. С. 216–229.

Тихон (Шевкунов Г. А.), митр. Гибель империи. Российский урок. М.: Вольный странник, 2024. 400 с.

Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М.: Русский путь, 1996. 544 с.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.

Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 269–279.

References

Berdyayev, N. A. (1990) *Samopoznanie (opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-knowledge (experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Zaitsev, B. N. (1999) *Sobranie sochinenii: v 5 tomakh. Tom 6 (dop.): Moi sovremniki: Vospominaniya. Portrety. Memuarnye povesti* [Collected works: in 5 vols. Vol. 6 (additional): My contemporaries: Memoirs. Portraits. Memoir stories] Moscow: Russkaya kniga.

Ioann San-Frantsiskii, arkhiep. (1992) *Izbrannoe* [Favorites]. Compilation, introductory article by Yu. Linnik. Petrozavodsk: Svyatoi ostrov.

Mel'nikov, N. G. (ed.) (2010) *Klassik bez retushi: Literaturnyi mir o tvorchestve I. A. Bunina: kriticheskie otzyvy, esse, parodii (1890–1950-e gody): Antologiya* [A classic without retouching: The literary world about the work of I. A. Bunin: critical reviews, essays, parodies (1890–1950s): Anthology]. Moscow: Knizhitsa; Russkii put'.

Levitskii, S. A. (1996) *Ocherki po istorii russkoi filosofii* [Essays on the history of Russian philosophy]. Moscow: Kanon.

“Perepiska Nikolaya Berdyaeva s Semenom Frankom i Tat'yanoi Frank (1923–1947)” [“Correspondence of Nikolai Berdyaev with Semyon Frank and Tatyana Frank (1923–1947)”] (2023) Publication, preparing of the text and notes by A. A. Gaponenkov, in *Nikolai Berdyaev: epistolarnyi razgovor. Arkhivnye materialy* [*Nikolai Berdyaev: epistolary conversation. Archival materials*]. Responsible editor-compiler T. G. Shchedrina; preface, preparing of the text, notes, comments by A. A. Gaponenkov, E. V. Serdyukova, I. O. Shchedrina, T. G. Shchedrina. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, pp. 44–158.

“Pis'mo S. L. Franka G. P. Fedotovu” [“Letter from S. L. Frank G. P. Fedotov”] (1952) *Novyi Zhurnal* [*New Journal*], 28, p. 289.

Simonov, K. M. (2005) “Ob Ivane Alekseeviche Bunine” [“About Ivan Alekseevich Bunin”], in Simonov, K. M. *Istorii tyazhelya voda* [*Stories are heavy water*]. Moscow: Vagrius, pp. 216–229.

Tikhon (Shevkunov, G. A.), mitr. (2024) *Gibel' imperii. Rossiiskii urok* [*The death of the Empire. Russian lesson*]. Moscow: Vol'nyi strannik.

Tolstoi, N. D. (1996) *Zhertvy Yalty* [*Victims of Yalta*]. Moscow: Russkii put'.

Shkarenkov, L. K. (1986) *Agoniya beloi emigratsii* [*The agony of white emigration*]. Moscow: Mysl'.

“Emigranty u Bogomolova” [“Emigrants as Bogomolov’s guests”] (1970) *Novyi Zhurnal* [*New Journal*], 100, pp. 269–279.

Информация об авторе: Алексей Алексеевич Гапоненков — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Information about the author: Alexey A. Gaponenkov — DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.01.2024;
одобрена после рецензирования 01.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 17.01.2024;
approved after reviewing 01.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.